

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.09+929 Боратынский

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ Е. А. БОРАТЫНСКОГО В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ XX ВЕКА

Л. Р. Хузеева

Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: Liliya.Khuzeeva@mail.ru

В статье на материале биографических исследований о Е. А. Боратынском в литературоведении XX в. рассматриваются процессы мифологизации личности поэта, становления и развития мифа о Боратынском, определяются наиболее общие характеристики складывающегося мифа о поэте.

Ключевые слова: Боратынский, биография, история литературоведения, интерпретация, мифологизация.

Mythologizing of E. A. Boratynsky's Personality in Russian Literary Criticism of the XXth Century

L. R. Khuzeeva

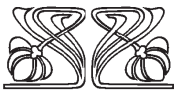
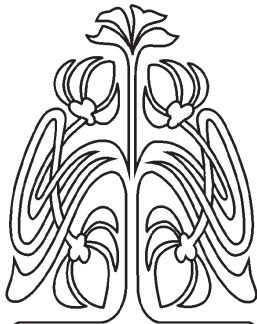
Based on the material of biographical studies about E. A. Boratynsky in the literary criticism of the XXth century the researcher examines the process of the poet's personality mythologizing, the problem of formation and development of the myth about Boratynsky; the most common characteristics of the emerging biographical myth of the poet are identified.

Key words: Boratynsky, biography, history of literary criticism, interpretation, mythologizing.

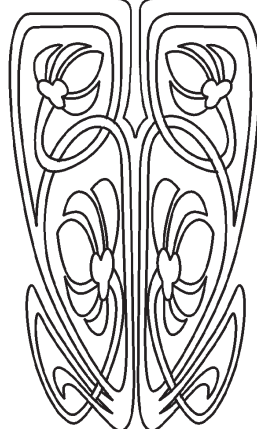
Идея о постепенном становлении литературной репутации писателя разрабатывается в литературоведении с 20-х гг. XX вв. Данная мысль основывается, в первую очередь, на той непреложной истине, что отношение читателей к авторам со временем претерпевает изменения.

Вопрос о том, как происходит становление образа писателя в сознании читателей и каким образом этот процесс необходимо анализировать, поставил И. Н. Розанов в книге «Литературные репутации» (1920). Учёный точно почувствовал формирующуюся в литературоведении тенденцию: «...рядом с историей и теорией художественной литературы, рядом с историей и теорией критики, намечаются новые области для изучения: теория и история литературных репутаций. Первая займется исследованием фактов литературного успеха, классификацией и терминологией, вторая – изучением фактов в исторической последовательности, выяснением их социологических причин»¹. Следуя принципам культурно-исторической школы, Розанов сочетал социологический подход, принцип историзма и функциональный анализ творчества отдельных писателей и поэтов.

Несмотря на перспективность идеи, к изучению литературной репутации наука вернулась только через семьдесят лет, когда А. И. Рейтблат в статье «Видок Фиглярин (история одной литературной репутации)»² обратил внимание на историю формирования репутации и поставил вопрос о критериях её пересмотра в современном литературоведении. В книге «Как Пушкин вышел в гении»³ исследователь продолжает эту линию и дает следующее определение литературной репутации: «...представления о писателе и его творчестве, которые сложились в рамках литературной системы и свойственны значительной части её участников (критики, литературоведы, издатели, книготорговцы, педагоги, читатели)»⁴.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Цель данной статьи – рассмотреть формирование биографического мифа о Е. А. Боратынском в литературоведческих исследованиях. Материалом послужили основные жизнеописания поэта, созданные в XX в. и представленные в различных жанрах: научных исследованиях, художественных биографиях, а также словарных и энциклопедических статьях.

После смерти писателя содержание его произведений оказывает решающее воздействие на формирование представлений об авторе – это справедливо для читательской аудитории, критиков и издателей. Однако литературоведческие интерпретации, воссоздавая образ писателя, во многом отталкиваются именно от его биографии и жизненной позиции как возможных источников истолкования текстов. Таким образом, интерпретация событий жизни может быть одним из важнейших факторов в создании образа писателя и влиять на формирование литературной репутации в научных исследованиях.

Интерпретация и оценка личности проявляются не только в субъективном восприятии читателей или критиков, но и в литературоведческих исследованиях. Именно они становятся одним из факторов формирования литературной репутации в рамках науки. И сегодня наблюдается значительный интерес исследователей к данной проблеме⁵.

Вопрос о формировании писательской репутации часто рассматривается именно на примере периода жизни объекта исследования, однако со смертью автора его бытование в сознании читателей не заканчивается. В связи с этим интересно изучить и последующие интерпретации. Из всего многообразия возможных откликов (восприятие поэтами, учеными, педагогами, критиками, издателями, рядовыми читателями) мы обратились к восприятию личности и творчества Е. А. Боратынского в критике и литературоведении. Подобное сужение круга исследования представляется нам естественным и оптимальным, поскольку именно критика и литературоведение (в отличие от частного читательского мнения) способны формировать пристрастия читателей.

Для более точного рассмотрения данного вопроса кратко остановимся на соотношении понятий «мифологизация» и «мистификация».

В данной статье термин «мистификация» понимается не в литературоведческом значении, не как «текст или фрагмент текста, автор которого приписывает его создание подставному лицу, реальному или вымышленному»⁶. Здесь термин «мистификация» используется в наиболее общем виде, то есть как попытка введения читателей или публики в заблуждение, через представление несуществующих или опровергнутых неопровержимыми доказательствами явлений и фактов как действительных.

О. Э. Никитина проводит разграничение между автобиографическим и биографическим мифами: «Автобиографический миф творит сам

художник, предлагая таким образом публике не действительно имевшую место историю своей жизни, а её идеализированный вариант, который предполагает вымысел, а иногда и мистификацию»⁷. Автобиографический миф активно развивался в литературе Серебряного века⁸, однако и эпоха романтизма, выдвинув на первый план индивидуальность, «раскрыла» поэта, поскольку теперь человек был не менее важен, чем результаты его творчества. Биографический же миф «сознательно или бессознательно может быть спровоцирован автором <...> предполагает обязательное соавторство целого ряда лиц (собственно биографов, аудитории художника), которые иногда довольно-таки своеобразно и субъективно интерпретируют творчество, поведение, высказывания, события из жизни поэта»⁹. История изучения биографии Боратынского – это не только реконструкция событий и обстоятельств жизни, попытки воссоздать и объяснить внутренний мир поэта, но и различные интерпретации одних и тех же событий.

В исследованиях о Е. А. Боратынском стало общим местом упоминание о его трагической судьбе, «непрочитанности» его творчества и о том, что поэт так и остаётся непонятым читателями. Не отрицая этого, наметим основные этапы, способствовавшие созданию мифа о Боратынском, который начал складываться уже при жизни поэта.

Отправной точкой для мифологизации послужило событие в Пажеском корпусе и последовавшая за ним служба в Финляндии, которые создали вокруг Боратынского определённый ореол слухов, что, безусловно, способствовало возрастанию интереса со стороны читающей публики. П. П. Филиппович на основании анализа писем, творчества и отзывов о Боратынском предполагает, что и сам поэт в определённой степени работал над своим образом: «...упоминание о несчастливом, угрюмом детстве преувеличено. Оно, очевидно, присочинено Боратынским для того, чтобы усилить черты угрюмости и страдания, которые проявились в Боратынском лишь в Финляндии»¹⁰.

В докторской диссертации «Жизнь и творчество Е. А. Боратынского. Научная биография» А. М. Песков подробно рассмотрел вопрос о мистификациях, связанных с поэтом. Опираясь на архивные источники и сопоставляя факты, учёный приходит к выводу, что в современной науке существуют четыре основных мистификации, и последовательно их опровергает:

1) пажеские проказы Боратынского являются выдумкой поэта, так как его слова не подтверждаются официальными бумагами и известиями в газетах;

2) дядя Александр, фигурирующий в «Выписках из бумаг моего дяди Александра», приписываемых В. А. Эртелю, на самом деле не существовал;

3) воспоминания Михаила Креницына также являются мистификацией, поскольку Михаил

Креницын, как следует из анализа документов, в действительности не существовал;

4) идея о том, что Боратынский является прототипом пушкинского Сальери, существует в литературоведении давно. Вопрос о дружбе двух поэтов и причины охлаждения их отношений до сих пор остаются загадкой, однако Песков отрицает возможность подобного «негативного» для Боратынского варианта толкований¹¹.

С определёнными этическими трудностями приходится сталкиваться биографам, если необходимо описать неприятный или постыдный случай из жизни объекта повествования. Попытка разрешить это затруднение может приводить к намеренной или бессознательной мифологизации жизни поэта (или её периода). В биографии Боратынского существует проблемный вопрос, решение которого во многом определяет общий подход исследователя к интерпретации личности поэта: как описать происшествие, ставшее причиной исключения будущего поэта из Пажеского корпуса, и насколько корректно и необходимо включать его в биографии? А. А. Холиков так сформулировал эту проблему: «Положение литературоведа-биографа осложняется тем, что ему предстоит интерпретировать не только литературные, но и жизненные факты. Иными словами, биограф обязан дать оценку как творческому наследию писателя, так и его человеческим поступкам»¹². Часто исследователи деликатно обходят эту историю или обозначают её вскользь, чтобы избежать необходимости оценивать поступок юного Боратынского (Н. К. Пиксанов, Д. Д. Благой и ряд других). Однако полностью игнорировать произошедшее не представляется возможным, поскольку исключение изменило и жизнь поэта, и его взгляды. В конце 1823 г. Боратынский пишет письмо В. А. Жуковскому, в котором рассказывает о своём проступке. Публикация этого письма в «Русском архиве, 1868» (1869 г.), а также двух писем Жуковского, ходатайствовавшего за юного поэта перед князем А. Н. Голицыным, неизбежно обращает на себя внимание исследователей.

С. А. Венгеров (вслед за Н. Я. Максимовым¹³), проведя подробный анализ письма Е. А. Боратынского В. А. Жуковскому и бумаг Пажеского корпуса, обращает внимание на то, что, стараясь оправдать свой проступок, Боратынский искажает факты и создает миф о себе, поэтому, опираясь только на записи поэта, невозможно представить себе полную картину и дать её интерпретацию. На данный момент в литературоведении не существует единого мнения и подхода: многое зависит от цели и типа издания. Например, в современных словарях и энциклопедиях даются сжатые сведения, сводящиеся к перечислению событий жизни, а оценка истории в Пажеском корпусе колеблется в диапазоне от «шалости» до «преступления».

Коротко рассмотрим основные жизнеописания Боратынского в свете интересующего нас вопроса.

В 1896 г. в анонимной статье о Боратынском в энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона¹⁴ только указывается на факт исключения из Пажеского корпуса, однако отдельно отмечается влияние, которое оказало пребывание в Финляндии, в отдалении от культурной жизни обеих столиц, на формирование поэтики Боратынского: «Продолжительное пребывание в Финляндии, вдали от интеллигентного общества, среди суровой и дикой природы, с одной стороны, усилило романтический характер поэзии Боратынского, а с другой – сообщило ей то сосредоточенно-элегическое настроение, каким проникнута большая часть его произведений»¹⁵. Исходя из этого тезиса, автор дал краткую характеристику творчества Боратынского именно как поэта «грустно-задумчивого», мастерство которого проявилось более всего в лирических стихотворениях, под которыми автор подразумевал элегии.

Интересное решение предлагает В. Я. Брюсов в биографической заметке в «Новом энциклопедическом словаре» (1911 г., переиздан в 2006 г.). Указывая на то, что юный поэт участвовал «в серьезных шалостях, из которых одна, граничившая с преступлением (кража), повела к исключению его из корпуса»¹⁶, автор особо отмечает психологические последствия происшествия. Авторы многих работ (как предыдущих, так и последующих) отмечали, что проступок Боратынского повлиял на его судьбу (ссылка в Финляндию способствовала созданию индивидуального стиля поэта, основных черт его поэтики), но именно Брюсов подчеркнул, что история в Пажеском корпусе сформировала пессимистическое мировоззрение поэта. Автора статьи привлекает незаурядная личность поэта, который с детских лет имел склонность к меланхолии и смотрел «на весь мир сквозь мрачное стекло»¹⁷. Подтверждение этому Брюсов видит в детских и юношеских письмах Боратынского. Таким образом, автор прочерчивает линию развития духовного мира поэта, а события в корпусе являются не переломным моментом, но звеном в цепочке закономерного развития мирозерцания Боратынского: эмоциональное потрясение послужило катализатором и ещё более проявило то, что уже было характерно для будущего поэта.

Дополнительные сведения даёт статья Д. Д. Благого в «Литературной энциклопедии» (1930 г.): здесь отмечается, что «серьёзная провинность» привела Боратынского к нервному расстройству и поставила его на грань самоубийства и «наложила отпечаток на его характер и последующую судьбу»¹⁸, а стремление поэта служить в одном из петербургских полков интерпретируется как желание смыть пятно позора, что также отличает статью Благого от многих других, где отмечается лишь то, что Боратынский до производства в унтер-офицеры и перевода в Финляндию служил рядовым.

В «непозволительной мальчишеской шалости» и её последствиях видит В. Э. Вацура реша-

ющую роль в становлении Е. А. Боратынского как поэта: «Вынужденное пребывание в Финляндии воспринимается им как изгнаничество, своего рода ссылка, подобная южной ссылке Пушкина; мотивы “унылой” элегии окрашиваются автобиографическими чертами <...>»¹⁹. Автобиографизм произведений Боратынского, по мнению Вацура, непосредственно связан с художественной практикой, что подтверждает исследователь, связывая важные моменты жизни с трансформацией и эволюцией творческого мира в сторону философской лирики. А история в Пажеском корпусе стала важным этапом в формировании пессимистического поэтического мироощущения и способствовала тем изменениям, которые привнёс поэт в жанр элегии: стремление не только к описанию, но и к анализу чувства, выяснению причин его появления и развития, а также постоянное присутствие мотивов одиночества и трагической обреченности.

Следующим немаловажным фактором мифологизации личности Боратынского стали публикации художественных биографий поэта (книги Д. Голубкова «Недуг бытия», Е. Н. Лебедева «Тризна», А. М. Пескова «Истинная повесть»). Художественная биография, соединяя в себе элементы объективного и субъективного повествования, фактического и вымышленного, является особым жанром и ввиду своей специфики способна формировать определённое восприятие личности. Здесь значительную роль играют не только отбор фактов и их интерпретация, но и манера авторского повествования, отношение к изображаемой личности. Недостаток биографических сведений приводит к необходимости «достраивать» портрет Боратынского.

Д. Голубков в романе «Недуг бытия» стремится передать атмосферу, царившую в Пажеском корпусе, вероятно, опираясь на письмо 1823 г. Автор показывает, что Боратынский был в определённой степени жертвой: герои истории предвзвешенно заходили в кондитерскую, выпили ликёра, Л. Приклонский вынужден был уйти (у него заболела мать), а Д. Ханьков буквально подталкивал Евгения на совершение преступления. Голубков описывает состояние растерянности, глубокого раскаяния и потрясения, которое наступило сразу же после произошедшего: «Запомнились рваные, несвязные подробности: непрестанно хихикающий и заикающийся Ханьков тащит в подворотню; потом бегут на чёрную лестницу; <...> вытаскивают из карманов и роняют ассигнации, никак не могут сосчитать <...> Сбегают вниз, спешат сумеречными переулками <...> на квартиру кастелянши <...> И страшная слабость; ноги подкашиваются <...>. И туман. И в нем – неестественно белое чело камергера Приклонского, влажные близорукие глаза в красных веках. И тишайший, вздрагивающий, полный слёз маменькин голос... Но это уже во сне»²⁰. В таком состоянии даже зарешёченные окна кажутся

юному Боратынскому тюрьмой.

Другую картину представляет в «Истинной повести» А. М. Песков: опираясь на те же факты, повествователь даёт, казалось бы, лишённый эмоций отчёт о произошедшем, приводя письма Боратынского матери и доклады корпусного начальства. Однако небольшие авторские отступления создают определённый фон, будто злой рок подталкивал юного Евгения на совершение преступления: «<...> уже заболела маменька Приклонского в Москве; уже партия той муки, из которой испекут пирожные, которые они запьют ликёром в кондитерской, в которую они зайдут перед самой развязкой, – была закуплена <...>»²¹. Ощущение трагической обречённости и предопределённости – то, что было в судьбе Боратынского (это поэт подчёркивал и в письме В. А. Жуковскому), и то, что ярко обозначено в произведениях поэта.

В книге Е. Н. Лебедева «Тризна» история в Пажеском корпусе открывает повествование и тем самым, по мысли автора, является одной из важнейших для понимания личности Боратынского. Нравственная драма, с которой будущий поэт столкнулся ещё в отрочестве, определила не только судьбу, но и творчество поэта. При этом характерно, что уже с этого момента биограф противопоставляет две «жизни»: внешнюю – спокойную, размеренную, подчинённую правилам и законам, и внутреннюю – суровый суд над самим собой, беспристрастный анализ своего поступка и постоянная рефлексия над самыми сложными процессами в душе: «Не найдя прочного контакта в мире людей <...> он, неоднократно прислушавшийся внутренним слухом, что происходит в его внутренней душе, может постичь и то невыразимое, о чем грохочет на своем смутном языке природа»²². Одним из результатов этого, по мысли Лебедева, явился основной пафос произведений Боратынского: поиск себя и стремление исследовать и понять движения чувств.

Итак, в художественных биографиях интерпретация истории в Пажеском корпусе является ключевым моментом в создании образа Е. А. Боратынского, аккумулирует взгляд авторов на объект повествования и в свёрнутом виде демонстрирует общую идею биографии. Для А. М. Пескова в «Истинной повести» важным явился историко-философский аспект, и жизнь Боратынского рассматривается в тесной связи с понятиями «судьба», «рок». В «Тризне» Лебедев показал, в первую очередь, долгий путь исканий и самопознания, а также нравственный урок, который можно извлечь из описания жизни поэта. Д. Голубков в книге «Недуг бытия» сосредоточил внимание на трагическом ощущении Боратынским дисгармонии мира.

Образцами академического изучения биографии Е. А. Боратынского до сих пор остаются очерк М. Л. Гофмана «Е. А. Боратынский (биографический очерк)» (1914), книги Г. Хетсо «Евгений Баратынский. Жизнь и творчество» (1973)

и А. М. Пескова «Летопись жизни и творчества Боратынского» (1998). Если в работе Гофмана отмечается, что проступок Боратынского повлиял на его склонность к меланхолии, которая была уже у него с детства, а летопись А. М. Пескова – это скрупулёзно выверенные факты, расположенные в хронологической последовательности, лишённые авторского комментария (насколько это возможно), то в работе норвежского исследователя видна полемика с предшествующими взглядами на жизнеописание поэта. Хетсо отвергал попытки биографов оправдать поступок Боратынского и считал необходимым уделить достаточно пристальное внимание событиям в Пажеском корпусе, так как здесь раскрывается не только судьба Боратынского и особенности творчества (интерес к вопросам морали, нравственности и счастья), но и даётся характеристика системы образования и воспитания в одном из самых привилегированных военных учебных заведений России того периода. Всё это, безусловно, является ценным материалом не только для литературоведов и биографов, но и для представителей других гуманитарных дисциплин.

Обобщая материалы различных жизнеописаний Е. А. Боратынского, можно сделать следующие выводы: многие биографии ориентированы на события внешней жизни, и описание происшествий в Пажеском корпусе оказывается определяющим только для биографии, но не для творчества. Такой подход во многом характерен для энциклопедических словарей и справочников. Естественно, жанр подобных изданий диктует необходимость строго отбирать только самые важные факты для понимания жизни и творчества представляемого писателя, поэтому в изданиях подобного типа мы видим самые сжатые характеристики и краткие упоминания об истории, изменившей судьбу поэта. Вместе с тем ряд исследователей (В. Я. Брюсов, В. Э. Вацура, А. М. Песков и др.) отмечают важность последствий данного события не столько в плане биографии, сколько в вопросе формирования мировоззрения Боратынского, что во многом определило развитие его творчества.

До сих пор не существует единого мнения, необходимо ли включать (и в каком объёме) в биографии Е. А. Боратынского сведения о совершённом проступке. Очевидно, что абсолютное умолчание оставит неясным причины его исключения из Пажеского корпуса. Закономерно встает этический вопрос о границах интерпретации и оценки события. До сих пор ведутся споры о том, насколько истинно было «признательное» письмо В. А. Жуковскому: ряд исследователей, в том числе Н. Я. Максимов, находят несоответствия между тем, что пишет Боратынский в 1823 г., другими его письмами и официальными документами Пажеского корпуса. Искажение фактов объясняется либо стремлением поэта показать себя жертвой и тем самым отчасти оправдать себя, либо указывается на то, что прошло довольно

много времени, поэтому Боратынский мог забыть или перепутать ряд фактов. Позиции биографов сходятся в том, что юношеский проступок не перечёркивает обаяния и безусловных достоинств его личности. Особую воспитательную функцию видел в произошедшей истории С. А. Венгеров: «Пусть знают педагоги, с столь легким сердцем выдающие юношам волчки паспорта, бросающие их на произвол всевозможных неблагоприятных случайностей, пусть знают они, что один из очень хороших русских людей, одна из крупнейших слав русской поэзии, один из возвышеннейших русских мыслителей был в пору юности просто-напросто воришкой. Авось перестанут тогда смотреть на всякого провинившегося юношу как на готового уже преступника»²³. Этот уникальный подход, размыкающий сферу биографических исследований в область нравственного, позволяет примирить противоположные взгляды на принципы описания жизни поэта.

Е. А. Боратынского часто относят к поэтам «без биографии», чья жизнь погружена в тень и не является ключевой при интерпретации творчества. Восстановить событийную канву позволяет фундаментальная работа А. М. Пескова «Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского», но глубины внутренней жизни до сих пор остаются не изученными до конца, что позволяет одновременно сосуществовать различным, часто противоположным, мнениям о Боратынском. Учёный указывает, что окружение поэта часто поэтизировало его судьбу: «...переживание отчуждения способствовало тому, чтобы всё частное, что могло быть оценено в понятиях повседневного быта, приобретало статус событий поэтических. Необходимость выслуживать офицерский чин преображалась <...> в жизненную драму поэта-изгнанника. В результате происходила поэтизация самого повседневного облика Боратынского – в иных воспоминаниях его внешний вид обрисован по модели его унылых элегий <...>»²⁴. К мифологизации Боратынского подталкивает и история жизни, будто сошедшая со страниц романтических произведений: проступок, изгнание в суровые края (даже описание Финляндии соответствует пейзажу в духе романтизма), противодействие властей, одиночество, непонимание со стороны современников и молодого поколения – всё это вело к усугублению склонности Боратынского к меланхолии.

Интересно отметить, что каковы бы ни были интерпретации личности и творчества Е. А. Боратынского, всеми исследователями единодушно признается загадочная личность поэта. Вместе с тем, несмотря на наличие большого количества исследований о жизни и творчестве Боратынского, его личность по-прежнему остается загадкой, а поэзия удивляет философией и глубиной анализа. В таком случае мифологизация Боратынского не может определяться через оценочные категории «хорошо/плохо», а является неизбежным звеном в литературном процессе и истории литературы

ведения.

Процесс мифологизации весьма длительный, и в него включаются не только мистификации, но и их интерпретации, воссоздание на их основе образа поэта (писателя), а также научные исследования и критические статьи, которые задают определенный тон восприятия.

Наиболее общий миф о Боратынском формируется на основе нескольких архетипических мотивов.

1. Мотив «чудесного ребёнка» охватывает значительную часть повествований о детстве Боратынского. Сюда относятся рассказы о его чрезвычайно послушном характере, склонности к размышлениям, подчёркиваются его не по годам развитые рассудочность и рефлексия.

2. Внезапное появление на литературной арене (А. А. Дельви́г опубликовал стихотворения Боратынского без его ведома) и скандал, связанный с его именем. Если современные биографы делают акцент на событиях в Пажеском корпусе и ограничению для службы, то для современников поэта на первый план выходила несоразмерность преступления и наказания, что стимулировало интерес к личности Боратынского.

3. Если для А. С. Пушкина привычной стала характеристика поэзии и личности, данная Ф. М. Достоевским – «всемирная отзывчивость», то из исследований о Боратынском можно сформулировать тезис о его «всемирной пронизательности».

4. Несмотря на тихий нрав поэта, мотив борьбы не обходит описания его жизни. При этом ссылка в Финляндию приравнивается к изгнанию, культивируется мотив трагического одиночества поэта, а борьба представляется как противостояние самодержавию (романтизация образа персонажа).

5. Важную роль в мифе играет встреча героя со смертью (мнимой или реальной). Для Боратынского своеобразной инициацией стал случай в Пажеском корпусе, последовавшие за ним переживания и кризис, которые поставили его на грань (биографы часто цитируют фразу из письма юноши: «сто раз был готов лишиться себя жизни»). Также мотив смерти и угасания, частый в поэзии Боратынского, ещё больше усиливает в биографических интерпретациях идею о чрезвычайном трагизме личности поэта.

6. Образ чужака – важный элемент представлений о Боратынском: он всегда обособлен, одинок, вне литературных кружков, общественных и политических движений, дружит с декабристами, но при этом не посвящён в их тайны. В связи с этим общая концепция многих работ представляет собой описание всё большего проявления «чужеродности» поэта (смерть друзей, расхождение во взглядах с современниками, непонимание со стороны читателей, нелестные отзывы критиков и др.).

М. Б. Селезнев в диссертационном исследовании «Литературная репутация Ф. В. Булгарина в литературно-эстетических дискуссиях 1820–1840-

х годов» проводит разграничение понятий «литературная репутация» и «миф» по нескольким основным характеристикам:

– массовость: литературная репутация есть почти у каждого пишущего, но для возникновения мифа «существенна единичность, уникальность случаев обладания»²⁵;

– степень влияния: миф о писателе влияет на «историю культуры, на судьбы отдельных произведений, на течение литературного процесса»²⁶, а литературная репутация имеет определяющее значение в судьбе отдельного писателя;

– изменчивость: для мифа характерно статическое восприятие, то есть «отсутствие изменений в отношении к объекту»²⁷, литературная репутация же неустойчива, динамична;

– степень замкнутости: миф, в отличие от литературной репутации, распространён не только внутри культурной среды, но и влияет на другие регионы.

Изучение материалов, интерпретирующих биографию Е. А. Боратынского, позволяет сделать вывод о том, что на данный момент нельзя говорить о некоем сформированном мифе о поэте, подобном «пушкинскому». Сама личность Боратынского не имеет столь всеохватной славы и «поликультурного» значения, решающего влияния на литературные репутации других представителей своей эпохи. Однако в науке можно наблюдать определённые процессы мифологизации личности через акцентирование конкретных, значимых для исследователя аспектов жизни поэта. В то же время наблюдается и обратный процесс – демифологизация, то есть опровержение необоснованных трактовок. Безусловно, работы А. М. Пескова, в которых приводятся уточненные и исправленные даты, сведения о жизни Боратынского, письма, позволяют современным исследователям выстраивать концепцию личности поэта на более достоверном фактическом материале, что, впрочем, по-прежнему не исключает субъективных элементов в исследовании.

Мифологизация личности и творчества Боратынского происходит и сегодня. Современное литературоведение, особенно социологическое и рецептивная эстетика, всё чаще сталкивается с необходимостью изучать и интерпретировать восприятие так называемого массового читателя. Немаловажную роль в этом процессе играет и возросшее количество частных оценочных суждений, доступ к которым благодаря Интернету открыт каждому. К сожалению, в данном случае нельзя сослаться на закон диалектики, утверждать, что возросло и их качество. На сегодняшний день очевиден значительный разрыв между академическим изучением Боратынского и представлениями о нём так называемого массового читателя. В связи с этим перспективно рассмотрение процесса становления литературной репутации Е. А. Боратынского и развития мифа о поэте в восприятии массового читателя.

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.А18.21.0536.

Примечания

- 1 Розанов И. Литературные репутации. М., 1990. С. 16.
- 2 См.: Рейтблат А. Видок Фиглярин (история одной литературной репутации) // Вопр. литературы. 1990. № 3.
- 3 См.: Рейтблат А. Как Пушкин вышел в гении : Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М., 2001.
- 4 Там же. С. 52.
- 5 См., например: Маргулис Т. Литературная репутация Н. А. Полевого : автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 1997 ; Захарова М. Формирование литературных репутаций Б. А. Пильняка и Е. И. Замятина в советской публицистике 1920-х – 1930-х гг. : дис. ... канд. филол. наук. М., 2006 ; Краюшклина Н. Литературная репутация А. С. Пушкина в 1830-е г. : дис. ... канд. филол. наук. М., 2009 ; Трунин М. Литературная репутация М. Н. Лонгинова: 1850-е – 1870-е годы : дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
- 6 Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М., 2003. Стб. 553.
- 7 Никитина О. Биографические мифы о русских рок-поэтах. СПб., 2011. С. 11.
- 8 Подробнее см.: Магомедова Д. Автобиографический миф в творчестве Александра Блока : дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл. М., 1998.
- 9 Никитина О. Указ. соч. С. 13.
- 10 Филиппович П. Жизнь и творчество Е. А. Боратынского. Киев, 1917. С. 71.

- 11 Подробнее см.: Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского : [1800–1844] / сост. А. М. Песков. М., 1998.
- 12 Холиков А. Писательская биография: жанр без правил // Вопр. литературы. 2008. № 6. С. 51.
- 13 См.: Максимов Н. Е. А. Баратынский по бумагам Пажеского с.и.в. корпуса // Русская старина. 1870. Т. 2. № 8.
- 14 См.: Баратынский Е. А. // Энциклопедический словарь : в 86 т. / под ред. И. Е. Андреевского. СПб., 1896. Т. 3. С. 40–41.
- 15 Там же. С. 40.
- 16 Брюсов В. Баратынский Евгений Абрамович // Новый энциклопедический словарь. Пг., [Б. г.]. Т. 5. Стб. 173.
- 17 Там же. Стб. 174.
- 18 Благой Д. Баратынский Е. А. // Литературная энциклопедия : в 11 т. [М.], 1930. Т. 1. Стб. 335.
- 19 Вацуро В. Е. А. Баратынский // История русской литературы : в 4 т. Л., 1981. Т. 2. С. 380–392.
- 20 Голубков Д. Недуг бытия : роман, повесть, рассказ. М., 1987. С. 75.
- 21 Песков А. Истинная повесть. М., 1990. С. 92.
- 22 Лебедев Е. Тризна : Книга о Е. А. Боратынском. М., 1985. С. 23.
- 23 Венгеров С. Критико-биографический словарь русских писателей и учёных (От начала русской образованности до наших дней). СПб., 1891. Т. 2. Вып. 22–30. С. 132–133.
- 24 Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского : [1800–1844]. С. 14.
- 25 Селезнев М. Литературная репутация Ф. В. Булгарина в литературно-эстетических дискуссиях 1820–1840-х годов : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008. С. 35.
- 26 Там же. С. 36.
- 27 Там же. С. 37.

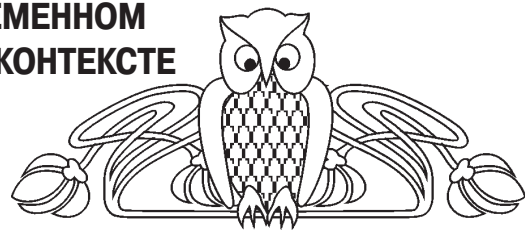
УДК 821.161.1–21.09+929Писемский

РИСК НА ВОЙНЕ И В ТЫЛУ. ДРАМА А. Ф. ПИСЕМСКОГО «ВETERAN И НОВОБРАНЕЦ» (1854) В СОВРЕМЕННОМ ЕМУ ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ И В ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ АВТОРА

О. В. Тимашова

Саратовский государственный университет
E-mail: kirlif@info.sgu.ru

Статья содержит впервые проведенный целостный анализ одной из наименее исследованных ранних драм А. Ф. Писемского – «Ветеран и новобранец» – в контексте развития эстетики драматурга и в сопоставлении с современной ей журнальной беллетристикой времен начала Крымской кампании. Приводятся аргументы в пользу того, что пьеса Писемского представляет собой явление, выходящее по художественным достоинствам из рамок драматической беллетристики. Доказывается также, что «Ветеран и новобранец» занимает особое место в ранней драматургии Писемского как по историческому масштабу изображаемых событий, так и по творческой задаче драматурга: показать положительных героев.

Ключевые слова: А. Ф. Писемский, индивидуальные особенности, «Ветеран и новобранец. Драматический случай из 1854 года», журнальная беллетристика, Крымская кампания.

Risk at War Front and in the Rear Areas. Drama by A. F. Pisemsky «Old-timer and New Recruit» (1854) in Its Contemporary Literary and Journalistic Context and in the Creative Biography of the Author

O. V. Timashova

The article contains a first-held comprehensive analysis of one of the less researched early dramas by A. F. Pisemsky «Old-timer and